

СЛОВО О ДРУГЕ*

Он человек был,
Человек во всем.
Такого я уж никогда
Не встречу. . .

В. Шекспир. Гамлет

Вот уже скоро год, как внезапно оборвалась яркая жизнь Михаила Владимировича Савельева, нашего дорогого Миши. . . Если сказать, что нам его очень не хватает, — это значит почти ничего не сказать. И слова, кажется, не способны выразить адекватно ту тоску, которая поселилась в сердцах его друзей с 20 сентября, когда пришла тяжкая весть о его безвременном уходе из жизни. . .

Хочется оживить хотя бы в воспоминаниях его образ, мысленно вернуть дни нашей дружбы.

Познакомились мы с Мишей еще в школьную пору, где-то в конце 50-х годов. Хотя мы и учились в разных московских школах, нас сблизил общий интерес к математике и физике. В то время для учеников старших классов было очень характерно и престижно работать в кружках по научным направлениям при ведущих вузах, посещать лектории в Политехническом музее, участвовать в физических и математических олимпиадах. Во время одной из таких «тусовок» (такого слова тогда, правда, не было) мы с моим одноклассником Виктором Савриным (теперь известным физиком-теоретиком) и познакомились с симпатичным блондином с очень живыми и слегка насмешливыми глазами — Мишей Савельевым.

Это было романтическое время не только в жизни нашего поколения, но и для всей науки в нашей стране. После запуска в 1957 г. первого спутника и сооружения крупнейшего в мире ускорителя — дубненского синхрофазотрона — каждый школьник буквально бредил профессией физика, конструктора, атомщика. . . Наше поколение и в России, и в далекой Америке (мне приходилось это там слышать) называют поколением спутника и синхрофазотрона. Миша уже тогда был очень коммуникабельным и выделялся среди ровесников не только глубокими знаниями, но и острой реакцией на все происходящее.

* Симметрии и интегрируемые системы: Труды семинара / Под общ. ред. А. Н. Сисакяна. Дубна, 1999. С. 295–297.

Его талант ученого проявился очень рано. Помню, что им был завоеван не один приз на олимпиадах для школьников в престижных вузах, что тогда было сделать непросто. Миша пользовался устойчивым авторитетом среди товарищей-студентов. В наши студенческие годы мы учились на «соседних» кафедрах: Миша и Витя — на кафедре электродинамики у М. А. Леонтовича, а я — на кафедре квантовой статистики у Н. Н. Боголюбова.

В студенческие годы мы особенно сблизились с Мишей, проводя вместе не только часы учебы, но и досуга, вместе были в студенческих отрядах и военных лагерях. Мишу очень любили за его высокие качества товарищества, доброту и смекалку. Он был единственным сыном своих родителей — Нонны Михайловны и Владимира Ивановича Савельевых, которых Миша любил преданной и трогательной сыновней любовью. Это благодарное чувство он пронес через всю жизнь... Родители часто присылали Мише в военные лагеря что-нибудь вкусенькое, и он всегда делился с друзьями. В моем семейном альбоме сохранился снимок тридцатитрехлетней давности: мы с Мишей и нашими товарищами «по спещухе» расправляемся с гостинцами, присланными Мишиными родителями...

После физфака наша дружба сохранилась и окрепла, хотя судьба опять нас развела по «соседним» институтам. Миша и Витя оказались в аспирантуре в ИФВЭ (Протвино), а я стал стажером в ОИЯИ (Дубна). Встречи на конференциях, семинарах и школах, дни рождения, праздники и товарищеские застолья были, конечно, не очень часты, но я всегда ощущал рядом надежное Мишино плечо и в радостях и в печали. Особенно теплой и нужной была его поддержка в тяжелые для нашей семьи дни после трагической гибели моей дочери Ани...

У Миши всегда можно было многому научиться и в науке, и в жизни, и в отношении к семье и друзьям. А друзья у него были и остаются (многие со школьной скамьи). Это и журналист Слава Алексеев, и преподаватель мехмата МГУ Володя Потапов, и мы с Виктором Савриным, и другие — всех не перечесать. Мне всегда было очень интересно обсуждать с ним научные новости, слушать его выступления на семинарах, работать с ним (у нас есть несколько совместных работ) и даже просто «потрепаться» за чашкой чая...

Он был очень обаятельным человеком, а главное, очень открытым для восприятия мнения другого человека, для всего нового и необычного, поэтому всегда очень хотелось именно с ним поделиться новостью, обсудить появившуюся необычную идею. При этом меня всегда изумляло его отношение к науке — особое, бережное, не потребительское: как к кормилице, как к плодородной земле... Он сам был вскормлен наукой и оставил на ее ниве не одно плодоносящее дерево...

Его часто донимала мысль: надо дерево посадить, надо дом построить... Миша спешил делать добро, хотел оставить после себя резуль-

таты своего неутомимого труда. Хотя буквально до последних месяцев в его разговорах не было и тени пессимизма. Мы, друзья, думали, что ему, как его родителям и многим другим предкам, суждена долгая и наполненная событиями жизнь. Видимо, плохо почувствовав себя, в марте 1998 г. Миша внезапно приехал к нам в Дубну, просто на один вечер, как бы без дела. Буквально за месяц до этого он выступал на нашем семинаре в ЛТФ с очень интересным докладом. . .

После семинара мы пару часов посидели за чашкой чая, Миша очень тепло отзывался о нашем семинаре, обещал привозить своих друзей и единомышленников для выступления на его заседаниях, советовал (как и другие участники) периодически издавать труды семинара. . . И с большой грустью мы вспомнили нашего безвременно ушедшего друга, молодого талантливую ученого Игоря Луценко. . . Не могли даже вообразить тогда, что это Мишино пожелание воплотится в жизнь в столь грустном виде. . .

Да, мартовский его приезд был довольно неожиданным, хотя и, как всегда, приятным. Он неизменно приезжал с подарками, знаками внимания моей жене Наташе и нашей маленькой дочке Насте, которая до сих пор его называет «дядя Барсик» (потому что он любил ей рассказывать сказки про кота Барсика). Надо сказать, что в Мише очень много оставалось от ребенка до конца. . . И верно говорят, что «в человеке столько хорошего, сколько в нем осталось от ребенка».

Беседа наша за дружеским столом была, как всегда, откровенная и, как никогда, грустная. Миша жаловался на неважное самочувствие и говорил о своих плохих предчувствиях, которые связывал с долгосрочной поездкой в Бразилию. Рассказывал о планах, если получится, позже посетить фамильные места своих предков в Красноярске. В конце вечера он спокойно так сказал, что приехал попрощаться навсегда. . . Мороз по коже прошел у меня от Мишиных слов, но как-то хотелось верить, что это всего лишь минутная слабость уставшего человека, а жизнь показала, что это действительно было прощание. . .

Мишины слова до сих пор звучат у меня в ушах: «Жаль не умереть, а быть забытым, пройти по этой земле, не оставив следа. . .» И еще он просил не забывать его любимых Свет (жену и дочь) и хранить память о его родителях. Он (вместе с учениками Владимира Ивановича Савельева) подготовил материалы о нем и очень хотел донести их до людей. Ниже вы прочитаете эти заметки. . . *

Дубна

Август–сентябрь 1999 г.

* Очерк М. В. Савельева о его отце опубликован: Симметрии и интегрируемые системы. Труды семинара / Под общ. ред. А. Н. Сисакяна. Дубна, 1999. С. 298–302.